дарственными делами».[48] Приведенная фраза очень напоминает «Каиба» Крылова. Там цари собирались, чтобы играть шемелой на коврах и «приказывали историографам записывать это в число величайших своих подвигов».[49]

Неизвестно, имел ли Херасков какое-то отношение к этой повести, но связь между нею и «Золотым прутом» несомненна. Герой «Золотого прута», как обычно в «восточной» повести, не знает правды о положении народа, но автор иначе по сравнению с традицией объясняет это обстоятельство. Он показывает, что Шах-Багем в силу своей непросвещенности, ограниченности не может уловить связь событий и изменить что-либо. По мысли автора, тирания является результатом невежества.

Повесть Хераскова представляет собой сложное сочетание философского и сатирического направлений. Как уже указывалось, резко сатирически изображены в ней картины жизни двора: развращенность нравов, шутовские философские споры, а главное — невежество, возведенное в закон.

Все же в повести главное не сатира, она подчинена философскому замыслу. Это определяет и характер сатиры — не столько социально-политический, сколько философский, просветительский. Главный предмет сатирического изображения в «Золотом пруте» — невежество, толкуемое как коренная причина всякого зла.

Композиция повести очень логична и стройна, она насквозь рационалистична. В образе Албекира показан процесс превращения невежественного ума в философский. Но этот процесс воспринимается не как естественное развитие человека, а как предопределенная схема с заранее задуманными узловыми моментами.

«Золотой прут» — произведение умеренное в политическом отношении. Автор делает вывод о вечности зла. Единственный путь, который он предлагает, — путь самопознания.

Итак, главная идея, которая выдвигалась «восточной» повестью, была идея просвещенного абсолютизма. Критика распространялась лишь на частные случаи несправедливого правления или на вельмож и чиновников, обманывающих государя. Даже если критиковался и монарх, то сам монархический принцип правления не подвергался сомнению.

Закономерным завершением, концом развития «восточной» повести в России явился «Каиб» — «Восточная повесть» И. А. Крылова (1792).[50] Выделяясь из произведений этого жанра по силе таланта автора, глубине мысли и смелости сатиры, «Каиб» связан

---

[48] Там же, стр. 351.

[49] И. Крылов, Полное собрание сочинений, т. I, Гослитиздат, М., 1945, стр. 347.

[50] «Зритель», 1792, ч. III, № 10, стр. 90—108; № 12, стр. 257—306.